

А. В. Сушко

Украинские националисты в Омске: осуждены и реабилитированы

Постановка проблемы

В начале 1990-х гг., беседуя со своим дедом, который в 1940-х — первой половине 1950-х гг. служил на различных, в том числе и на оперативных должностях в органах Министерства внутренних дел (МВД) и Министерства государственной безопасности (МГБ) на территории Омской области, я спросил, что ему наиболее запомнилось в ходе прохождения службы. Ответ — «борьба с бандеровцами» — удивил и вызвал вопросы. Но собеседник не захотел продолжить разговор.

Много лет спустя, в августе 2018 г., в зале истории УФСБ России по Омской области мне представилась возможность увидеть одну из витрин, посвященную работе омских чекистов в отношении украинских спецпоселенцев, продолжавших из Омска поддерживать связи с ОУН — УПА (Организация украинских националистов — Украинская повстанческая армия). Проводивший экскурсию сотрудник в общих чертах прокомментировал эту витрину следующим образом: «Борьба с националистическим подпольем на территории Украины сопровождалась административной высылкой значительного количества членов семей участников ОУН — УПА на спецпоселение в глубинные районы страны. Эта мера недобросовестными исследователями оценивается как акт политических

**Сушко
Алексей
Владимирович**
д-р ист. наук,
проф., Омский
государственный
технический
университет
(Омск, Россия)

репрессий, даже геноцида. Однако высылка из охваченных бандитизмом местностей Западной Украины и Прибалтики имела простую практическую задачу: в период вооруженной борьбы с бандформированиями лишить их социальной базы и источников снабжения, получения разведданных, ограничить влияние главарей националистического подполья на местное население. Начавшийся еще в 1939 г. процесс оказывал существенное влияние на оперативную обстановку в Омской области. По некоторым данным, на начало 1952 г. здесь проживало более 86 000 спецпоселенцев. Из них: украинцев — 12 152 чел., латышей — 19 592 чел., эстонцев — 1602 чел. Среди находившихся на территории Омской области спецпоселенцев, «членов семей оуновцев», Управлением МГБ по Омской области был выявлен ряд лиц, являвшихся не только пособниками, но и непосредственными участниками банд ОУН — УПА, а также сотрудничавшими в той или иной степени с немцами в период оккупации. Некоторые из них вели националистическую деятельность, стремились к восстановлению связей с бандподпольем, действовавшим в западных областях Украины. В то время их деятельность называлась «антисоветской». Органы безопасности неоднократно получали информацию о том, что враждебные элементы из числа спецпоселенцев-украинцев проводят активную пропаганду среди своей молодежи, сколачивают ее вокруг себя, воспитывают в духе ненависти к советскому строю и активной борьбы с советской властью. Омские чекисты, проводя оперативную работу в среде спецпоселенцев, не только боролись с украинским национализмом на территории своей области, но и осуществляли оперативные мероприятия по проникновению в бандподполье с территории Сибири, помогая своим коллегам на Украине устанавливать места нахождения боевиков ОУН — УПА, продолжавших вооруженную борьбу против советской власти». Изложенная информация подтверждалась представленными экспонатами, и ее достоверность не вызывала сомнений. Посещение экспозиции, а также память о деду побудили меня заняться научным исследованием обозначенного вопроса.

В ходе Великой Отечественной войны в Омское Прииртышье с территории Западной Украины стали направляться спецпоселенцы¹. Сначала высылке подвергся потенциально «антисоветский элемент». Позднее, после освобождения Украины Красной армией, регион стал одним из четырех центров высылки с территории ее западных областей сторонников ОУН — УПА. «Инструкция о порядке ссылки членов семей оуновцев и активных повстанцев в отдаленные районы Союза ССР», утвержденная в апреле 1944 г., предписывала отправлять украинцев «в отдаленные районы Красноярского края, Омской, Новосибирской и Иркутской областей». Согласно этому документу, ссылке подлежали «все совершеннолетние члены семей оуновцев и активных повстанцев, как арестованных, так и убитых при столкновении», «семьи актива и руководящего состава ОУН — УПА, скрывающихся и находящихся в данное время на нелегальном положении, как-то: коменданты, помощники комендантов и сотрудники «СБ» (службы безопасности. — А. С.); районные и надрайонные проводники ОУН; сотенные; станичные; коменданты ОУН; куренные; господарчие; шефы и референты связи; активные участники банд». Несовершеннолетние члены семей

следовали в ссылку вместе со своими родными. Имущество ссыльных подлежало конфискации². В результате реализации данных указаний во второй половине 1940-х гг. на территорию Омской области прибыло множество сторонников украинского национализма. В этой связи перед омскими чекистами встали задачи по их оперативному обслуживанию с целью выявления «антисоветского элемента», не утратившего связей с ОУН — УПА.

Следует отметить, что еще с начала XX в. Омское Прииртышье являлось одним из регионов массовой миграции крестьян, переезжавших сюда из-за малоземелья на Украине. По этой причине в годы революции и Гражданской войны Омск стал одним из основных центров развития украинского национального движения в Азиатской России³. В то время сибирские украинцы были связаны с исторической родиной и, в частности, с махновским движением⁴. Примечательно, что в белой Сибири, боровшейся за «единую и неделимую Россию», контрразведка вела наблюдение за лидерами украинского движения. Сотрудники белых спецслужб справедливо усматривали в деятельности руководителей сибирского украинства угрозу для территориальной целостности российского государства.

После поражения колчаковцев материалы деятельности белых спецслужб в отношении украинских националистов внимательно изучались сибирскими чекистами, унаследовавшими эту проблему. Об этом свидетельствуют специально отобранные сотрудниками советских органов безопасности документы белой контрразведки, сохранившиеся в архиве УФСБ России по Омской области⁵.

На начало 1920-х гг. в Омской губернии проживало свыше 340 000 украинцев, что составляло более 23 % ее населения. На территории региона они были вторым по численности после русских народом⁶. Таким образом, прибывшие сюда во второй половине 1940-х гг. спецпоселенцы оказывались в регионе, где уже находилось большое количество украинцев. В этой связи органы государственной безопасности должны были не допустить пропаганды националистических взглядов не только среди спецпоселенцев, но и в ряду местных украинцев.

Современные российские историки довольно активно изучают борьбу с националистическим подпольем на Украине после освобождения ее территории от немецко-фашистских захватчиков: вводятся в научный оборот новые документы, в исследованиях делается акцент на коллаборационизме членов ОУН — УПА и их связях с западными разведками⁷. При этом остается неизученной деятельность советских спецслужб в отношении украинцев, связанных с ОУН — УПА и высланных на спецпоселение в Сибирь.

Как наглядно показывает опыт работы омских площадок публичной истории, академическое внимание «неотрывно приковано» к проблематике антибольшевистского Омска, вследствие чего темы, лежащие в иной хронологии, иногда просто игнорированы историками⁸. В настоящее время в истории советского Омска остается еще много исследовательских лакун. В их числе работа советских органов безопасности и история спецпоселенцев в 1940-е гг. Проблема только обозначена в исследованиях, затрагивающих тему поли-

тических репрессий в СССР. Так, С. Г. Сизов, изучая повседневность Омска, ознакомился со списками репрессированных в первые послевоенные годы. Историк заметил, что «среди них было много представителей национальных меньшинств: немцев, калмыков, латышей, украинцев и белорусов с присоединенных в 1939 г. от Польши земель»⁹.

В. П. Зиновьев и В. Н. Уйманов, рассматривая вопрос о политических репрессиях в отношении граждан из западных областей СССР на территории Томской области, справедливо подчеркнули, что «организаторы репрессий не вели целенаправленной политики против какой-либо нации. Это противоречило официально продекларированному советским руководством интернационализму»¹⁰. С этим можно согласиться. В Омске политические репрессии в отношении украинцев также проводились избирательно. Им подвергались только две категории граждан. Во-первых, украинские националисты, ранее входившие в ОУН — УПА и до ссылки своевременно не выявленные органами безопасности в качестве активных борцов против советского государства и пособников гитлеровцев. Во-вторых, лица из числа спецпоселенцев, разделявшие идеи ОУН — УПА и публично заявлявшие об этом.

Всестороннему изучению поставленной проблемы препятствует секретное хранение архивных документов, находящихся под грифами и содержащих информацию по данной теме. Основным источником для настоящего исследования послужили архивные уголовные дела в отношении украинских спецпоселенцев, находившиеся в производстве Управления МГБ по Омской области.

Современные историки рекомендуют с осторожностью, критически относиться к информации, полученной из данного типа источников¹¹. Это связано с тем, что в период массовых политических репрессий в СССР сотрудники спецслужб «на конвейере» фабриковали дела, выбивая из подследственных признательные показания и фальсифицируя материалы следствия. В то же время отечественными исследователями наработан богатый опыт использования документов, образовавшихся в ходе уголовного и административного преследования советских граждан в эпоху сталинизма. В частности, архивные уголовные дела фигурируют в качестве ключевого источника при проведении биографических и историко-генеалогических разысканий применительно к периоду 1920–1940-х гг. Например, в работах, связанных с историей Омского Прииртышья¹².

Подчеркнем, что уголовные дела в отношении украинских националистов в Омской области были относительно немногочисленны. В сравнении с массой материалов, находившихся в производстве в 1930-х гг., проанализированные нами дела конца 1940-х — начала 1950-х гг. были в производстве у сотрудников МГБ достаточно длительное время и расследовались омскими чекистами в контакте с органами МГБ УССР. В ходе проведения следственных действий обвиняемые многократно допрашивались, а делопроизводство осуществлялось тщательно, с соблюдением установленных законом процессуальных процедур. На фабрикации подобных дел отсутствовал политический заказ, и информацию из них можно признать достоверной.

К сожалению, для исследователей открыты не все материалы этих и подобных дел. Для ознакомления выдаются документы, непосредственно касающиеся обвиняемых. Служебная переписка органов МГБ, как правило, полностью или частично недоступна.

Цель данной работы — рассмотреть деятельность сотрудников Управления МГБ по Омской области в отношении политически активных украинских националистов из числа спецпоселенцев с Западной Украины, а также оценить факт их реабилитации в Российской Федерации с позиций исторической науки.

Юные связные и разведчики УПА: дело П. П. Намастырника и А. Н. Пушкаря

В результате разработки омских чекистов в апреле 1949 г. военным трибуналом войск МВД Омской области к 10 годам заключения с конфискацией имущества и лишением прав на три года каждый были приговорены ссыльно-поселенцы, прибывшие в Омск из Дрогобычской области Западной Украины: Намастырник Павел Павлович и Пушкарь Адам Николаевич. Оба осужденных — молодые люди 1928 года рождения.

П. П. Намастырник был арестован 22 декабря 1948 г. В результате проведенного сотрудниками МГБ следствия рассматривавший его дело трибунал признал установленным следующее: «Намастырник являлся членом молодежной антисоветской националистической организации «Юнацтво» в селе Славско Дрогобычской области, с лета 1943 г. являлся ее руководителем, в состав которой входил Пушкарев А. Н. и другие, всего в количестве 8 человек молодежи. Намастырник, как руководитель указанной организации, с лета 1943 г. по октябрь 1944 г. проводил с ее участниками нелегальные сборища, где изучалась националистическая антисоветская литература «Заповеди оуновца», разъяснялись и задачи организации по борьбе с советской властью и конспирация работы. Вовлекая в состав организации новых членов, поддерживал нелегальную связь с участниками ОУН и оуновцами, находившимися в банде УПА.

После освобождения от немецких оккупантов Дрогобычской области Советской армией в период 1944 и начале 1945 г. Намастырник, будучи связным и информатором, вел нелегальную переписку между участниками ОУН и УПА. Собирал и сообщал им сведения о наличии советских войск и о мероприятиях советской власти по борьбе с оуновским подпольем через руководителя банды УПА Монастырник[а] Петра и Онац[а] Федора.

С Намастырник[ом] Петром, находившимся на нелегальном положении в период 1945–1947 гг., поддерживал связь и, будучи высланным в Омскую область, в 1948 г. поддерживал переписку, а также получал от него и денежные переводы»¹³.

Для обвинения П. П. Намастырника омские чекисты использовали показания арестованных на Украине за поддержку ОУН — УПА односельчан, которые рассказали украинским сотрудникам МГБ о его роли в этих организациях. Эта информация оказалась в Омске и была приобщена к делу в качестве свидетельских показаний. Заметим, что в то время обвинение было очевидным, и не

считалось необходимым привозить свидетелей из Украины в Омск для организации очных ставок. Также чекисты имели подтвержденные в ходе следствия сведения о том, что в Омске юный украинский националист неоднократно обменивался сведениями о жизни в Сибири и на Украине со своим старшим братом П. П. Намастырником (псевдоним: Медведь), командовавшим активно действующим отрядом УПА. Кроме того, старший брат оказывал материальную помощь своим родным в Сибири¹⁴.

Современные исследователи истории украинского национализма отмечают, что его основными сущностными характеристиками являлись «антикоммунизм, русофобия и антисемитизм»¹⁵. В показаниях П. П. Намастырника проявляется сущностная черта украинского национализма — его антирусская направленность. Так, на допросе, состоявшемся 23 декабря 1948 г., он рассказал, что к идеям украинского национализма его приобщал односельчанин, член ОУН Онац Федор. С лета 1942 г. П. П. Намастырник получал от него националистическую литературу. В частности, он прочел «Историю Украины», где говорилось «о борьбе украинского народа с татарами, поляками и *русскими* (выделено автором. — А. С.). Ф. Онац пояснял отдельные места этой книги, восхваляя при этом борьбу украинцев за свою самостоятельность»¹⁶. 10 февраля 1949 г., будучи допрошенным о деятельности «Юнацтва», П. П. Намастырник показал следующее: «Для того, чтобы избежать разоблачения, организация распускается, и в дальнейшем борьбу с подходящими *русскими* (выделено автором. — А. С.) каждый должен вести самостоятельно, что с каждым из нас, когда будет нужно, установится связь участниками ОУН и ушедшими в лес УПА, которым мы и должны оказывать помощь против *русских* (выделено автором. — А. С.)»¹⁷. Сотрудникам МГБ была неинтересна антирусская направленность украинского национализма, и они инкриминировали П. П. Намастырнику «антисоветскую деятельность». Антирусский аспект показаний украинского националиста, отраженный в протоколах допросов, свидетельствует о том, что они не фальсифицировались. В противном случае в документах говорилось бы только об антисоветской деятельности. За нее советское законодательство устанавливало суровое наказание, и ее доказывали чекисты.

В ОУН — УПА Намастырник имел псевдоним Байда. В ходе следствия он, под давлением имевшихся у сотрудников МГБ сведений, постепенно признал предъявленное ему обвинение и дал показания в отношении своего поделщика А. Н. Пушкаря. Также П. П. Намастырник назвал имена бывших членов «Юнацтва», находившихся на Украине. Хотя «юнацкие» молодежные организации после войны были формально распущены ОУН в связи с рядом серьезных провалов, их члены поддерживали между собой связь и фактически продолжали действовать. В частности, материалы архивного уголовного дела П. П. Намастырника и А. Н. Пушкаря свидетельствуют о том, что деятельность продолжалась даже в Сибири.

В ходе очной ставки П. П. Намастырник и А. Н. Пушкарь дали показания друг против друга. При этом, несмотря на неоднократные допросы, Намастырник не раскрыл чекистам оперативно значимую информацию о своем брате. Он отказался указать место расположения лагеря отряда брата (находился

где-то в окрестном лесу недалеко от родной деревни Славско). Обвиняемый мотивировал свой отказ незнанием.

Осужденный трибуналом А. Н. Пушкарь в ОУН — УПА имел псевдоним Щугай. Он был арестован органами МГБ 19 февраля 1949 г. Для его обвинения также прибегли к показаниям арестованных на Украине сторонников ОУН — УПА и показаниям его товарища П. П. Намастырника. Вероятно, под влиянием имевшейся у чекистов информации, А. Н. Пушкарь быстро признал предъявленные ему обвинения и начал сотрудничать со следствием.

В отношении А. Н. Пушкаря трибунал признал доказанным, что тот «состоял членом молодежной антисоветской националистической организации “Юнацтво”, с осени 1943 г. посещал нелегальные сборы, на которых изучалась антисоветская литература, являлся связником ОУН, а с 1943 г. по начало 1945 г. использовался для передачи нелегальной переписки между участниками ОУН, с оуновцами, находящимися в банде УПА.

После освобождения от немецких оккупантов А. Н. Пушкарь, по поручению находившегося в банде оуновца Онац[а], носил нелегальную переписку к Кравчук[у], проживавшему в деревне Терновка, а также сообщал Онац[у] о наличии советских войск в Славско»¹⁸.

С февраля 1944 г. гитлеровцы наладили рабочие контакты с УПА на почве совместной борьбы против советских войск. В обмен на продовольствие и разведданные, а также на захваченных УПА партизан и советских военнопленных немцы передавали УПА оружие, боеприпасы и радиостанции¹⁹. Следует подчеркнуть, что П. П. Намастырник и А. Н. Пушкарь занимались сбором разведданных для УПА в период, когда эта организация в союзе с гитлеровцами вела боевые действия против Красной армии. Попадись молодые люди в ходе своей разведывательной деятельности на Украине сотрудникам СМЕРШ, последствия для них могли быть гораздо более суровыми. В момент высылки П. П. Намастырника и А. Н. Пушкаря в Омскую область сотрудники советских спецслужб на Украине просто не знали об их деятельности в качестве связников и разведчиков в составе УПА.

Юные украинские националисты были порождены социально-политическими условиями своего времени. Молодые люди являлись уроженцами Западной Украины, где значительная часть населения разделяла антирусские взгляды. Украинский историк Р. О. Пономаренко объясняет поддержку бандеровцев значительной частью жителей Западной Украины следующими обстоятельствами: «Коллективизация, запрет частной торговли, репрессии, резкое ухудшение уровня и качества жизни, особенно по сравнению с тем, что было в “польский период”, привели к тому, что западно-украинское население в основном воспринимало советскую власть негативно»²⁰. Воспитанные оуновцами юноши просто не могли вырасти другими. Они закономерно, как и большинство их односельчан, под влиянием родственников и старших товарищей включились в борьбу против советской власти.

Со своей стороны, омские чекисты, совместно со своими коллегами на Украине, выявили молодых участников бандподполья, занимавшихся разведкой в интересах ОУН — УПА и обеспечивавших связью ее членов. Кроме

того, П. П. Намастырник, находясь на поселении в Омске, прекрасно зная о националистической (антисоветской и антирусской) деятельности своего старшего брата и разделяя его убеждения, нарушал закон. Он состоял в переписке с братом и получал от него материальную помощь для членов своей семьи. Исходя из реалий того времени, сотрудники МГБ по Омской области разоблачили реальных врагов советского государства, которые в тех условиях были законно привлечены к уголовной ответственности и, в соответствии с действовавшим в то время законодательством, понесли наказание.

Попытка создания «Организации украинских националистов в Сибири»: дело М. М. Турянского

11 июля 1951 г. военный трибунал войск МГБ Западно-Сибирского округа вынес приговор в отношении пяти спецпоселенцев с Западной Украины. Были осуждены следующие граждане: Турянский Михаил Михайлович, 1928 года рождения; Турянский Ярослав Михайлович, 1929 года рождения; Федирко Емельян Николаевич, 1928 года рождения; Турчин Ярослав Михайлович, 1928 года рождения; Кравец Николай Федорович, 1931 года рождения. Первые трое признавались виновными в создании контрреволюционной организации, измене Родине, проведении антисоветской агитации и приговаривались к 25 годам лишения свободы. Оставшиеся были признаны виновными только в антисоветской агитации и приговорены к 10 годам лишения свободы.

Рассматривая материалы уголовного дела, находившегося в производстве у омских чекистов, трибунал установил целый ряд фактов, которые в условиях того времени свидетельствовали о бесспорной вине всех подсудимых. Приведем фрагмент приговора, характеризующий самые значимые из них:

«ТУРЯНСКИЙ Михаил, ТУРЯНСКИЙ Ярослав, ФЕДИРКО Емельян, находясь на спецпоселении в городе Омске, в 1949 г. установили между собой преступную связь, организовали вокруг себя молодежь из спецпоселенцев и на сборищах обсуждали методы борьбы против Советской власти, вели организационную работу по созданию «организации украинских националистов в Сибири» и вместе с тем на сборищах проводили антисоветскую агитацию.

Проводя организационную деятельность по созданию так называемой «организации украинских националистов в Сибири» и желая установить связь с бандитами УПА, Турянский Михаил в 1949 г. составил письмо и отправил его в село Дорожов Дрогобычской области на имя ЛУЧКИВ Зиновия, в котором сообщал, что украинская молодежь, находящаяся в Сибири, якобы ведет и будет вести борьбу против Советской власти.

В конце 1950 г. ТУРЯНСКИЕ Михаил и Ярослав, а также ФЕДИРКО приготовили посылку для отправки ее в адрес ОУН, куда было вложено обращение от имени «организации украинских националистов в Сибири» к ОУН с просьбой выслать литературы и оружия для организации борьбы против Советской власти, это обращение было составлено ТУРЯНСКИМ Ярославом и ФЕДИРКО по согласованию с ТУРЯНСКИМ Михаилом, у которого и была изъята посылка. Кроме того, ФЕДИРКО лично написал антисоветское националистическое обращение к украинской молодежи под названием «Будь верен своему народу», имея целью распространить его среди украинцев спецпоселенцев. Он же, ФЕДИРКО, на сборищах молодежи в квартире ТУРЯНСКИХ распевал антисоветские националистические песни.

Подсудимый ТУРЯНСКИЙ Михаил в январе и апреле 1950 г. в присутствии собравшейся молодежи в своей квартире высказывал свои надежды о поражении СССР в будущей

войне, произносил националистические лозунги. Аналогичную антисоветскую агитацию он проводил летом и в октябре 1950 г. ...»²¹

Деятельность советских спецслужб в отношении спецпоселенцев нужно рассматривать в контексте международных отношений и внутривнутриполитической обстановки в стране. В начале 1950-х гг. антисоветская деятельность среди спецпоселенцев активизировалась, что было вызвано обострением отношений СССР и США и слухами о возможной войне. В одном из попавших в руки сотрудников МГБ писем на Украину М. М. Турянский писал: «Большая жалость охватывает душу, что в такой момент, когда наши поднимутся и поставят на борьбу последние силы, мы будем вдали от своей цели за 6000 км и не сможем принять участие... Но не забывай, что и мы здесь сотворим “холодный яр” и покажем всему свету, что мы братья из казацкого роду». Как рассказывал в зале истории УФСБ России по Омской области сотрудник, проводивший упомянутую экскурсию, если в 1950 г. УМГБ по Омской области за антисоветскую деятельность было арестовано 85 спецпоселенцев, то в 1951 г. — 146 чел. Значительные усилия УМГБ приложило для ликвидации каналов связи активистов спецпоселения с националистическим подпольем Украины и Прибалтики. А сделать это было непросто, ведь к спецпоселенцам в Сибирь приезжали их родственники с Украины, которые через какое-то время возвращались к месту постоянного жительства. Были среди них и легализовавшиеся участники банд ОУН — УПА.

В решении трибунала были признаны установленными многочисленные факты националистической, антисоветской агитации со стороны всех обвиняемых. Кроме того, подсудимый Н. Ф. Кравец написал в родное село письмо с угрозой своему брату, который вышел из рядов УПА и сдал оружие органам советской власти²².

Для обвинения проходивших по делу М. М. Турянского молодых людей сотрудники МГБ использовали в качестве вещественных доказательств написанные ими письма и воззвания. Так, во время ареста М. М. Турянского у него на квартире была найдена и изъята приготовленная к отправке посылка без адреса. В пакете с сахаром, который в ней находился, было обнаружено обращение к центральному проводу УПА от «провода украинских националистов в Сибири». Авторы обращения просили у ОУН — УПА помощи для организации своей деятельности, в частности «литературы, несколько пистолетов и гранат»²³.

Против обвиняемых по делу М. М. Турянского дали показания несколько свидетелей, лично слышавших их националистические, антисоветские высказывания. Правда, свидетели рассказывали, в большей части, не о публичном, общественно-значимом национализме, а о бытовом национализме — чисто обывательском поведении антисоветски настроенных молодых людей. Однако в эпоху сталинизма бытовые антисоветские выступления за столом, в компании часто становились основанием для репрессий со стороны государства. С точки зрения правоприменительной практики той эпохи, это признавалось законным. В ходе следствия все обвиняемые признали свою вину и дали показания друг против друга.

Коллективный портрет осужденных по этому делу молодых людей, составленный при помощи просопографического метода, идентичен портрету П. П. Намастырника и А. Н. Пушкаря. Как и в предыдущем случае, фигурантов уголовного дела М. М. Турянского националистами сделали условия, в которых они выросли. Юноши были спецпоселенцами, высланными с Западной Украины, из Дрогобычской области. Все они происходили из крестьян. На этой территории ОУН — УПА пользовались поддержкой среди значительной части сельского населения. В ссылке молодые люди оказались как члены семей участников бандформирований УПА, воевавших против Красной армии. Будучи националистами, все осужденные молодые люди искренне желали создания независимого украинского государства и не принимали советскую власть, препятствовавшую его образованию и изолировавшую их от родины. Общие политические взгляды сблизили юных националистов в сибирской ссылке. Коллективное обсуждение «украинского вопроса» в националистическом духе и попытки установить связь с ОУН — УПА привлекли к группе молодежи внимание сотрудников МГБ.

Таким образом, из материалов архивного уголовного дела М. М. Турянского очевидно, что все осужденные по этому делу были идейными противниками советского государства. В обязанности органов безопасности входило выявление таких людей и предупреждение их противоправной деятельности, что при подготовке и производстве материалов уголовного дела омские чекисты успешно сделали, доведя начатое расследование до осуждения всех обвиняемых трибуналом.

Реабилитация: торжество законности или удар по исторической правде?

Все фигуранты настоящей статьи полностью реабилитированы и, соответственно, признаны жертвами массовых политических репрессий в СССР. Их имена занесены в соответствующие книги памяти²⁴. И здесь уместно оценить данный факт с позиций современной исторической науки.

При оценке реабилитации украинских националистов в Омске важно учесть, что Российская Федерация не имеет четко сформулированной концепции своей исторической политики. В этой связи известный историк отечественных спецслужб А. М. Плеханов в своем интервью объективно описывает сложившуюся здесь ситуацию: «Вы посмотрите на то, что происходит с исторической наукой сегодня: ликвидируются кафедры истории, сокращаются часы на этот предмет, новые книги по истории спецслужб издаются мизерными тиражами и фактически недоступны широкому кругу общественности. У государства нет четкой политики в этой области: с одной стороны, провозглашается важность исследования и изучения истории, с другой — идет ее уничтожение. Создается впечатление, что мы воспитываем молодое поколение, “не помнящее родства”»²⁵.

Отсутствие внятно сформулированной исторической политики у государства отражается и на нелепости сложившейся ситуации с доступностью исторических источников. Согласно действующему российскому законодательству,

в ведомственных архивах МВД и ФСБ России исследователям выдаются для работы только архивные уголовные дела на реабилитированных граждан. Если бы реабилитации фигурантов указанных уголовных дел в Омске не произошло, мы бы не смогли даже фрагментарно ознакомиться с борьбой омских чекистов с украинским национализмом. Абсолютное большинство ведомственных делопроизводственных документов по этой тематике хранятся под грифами. Поэтому значимая с точки зрения защиты интересов государства работа советских органов безопасности, направленная на обеспечение территориальной целостности страны, не может быть всесторонне изучена историками. К описанной ситуации применимо суждение председателя Общества изучения истории отечественных спецслужб А. А. Здановича о «корне зла» в виде отсутствия достаточной документальной базы для проведения исследований²⁶. Недоступность многих источников, содержащих информацию о борьбе советских спецслужб с ОУН — УПА, без сомнения влияет на то, что российское государство в течение вот уже трех десятилетий должным образом не контролирует «поле истории», на котором ведутся современные политические баталии об украинском национализме.

С конца 1980-х гг. в условиях повсеместной борьбы с коммунистическим прошлым реабилитация жертв советских политических репрессий приобрела ярко выраженный характер политической кампании. Исследователь В. Н. Уйманов, в частности, в связи с реабилитацией участников ОУН — УПА отмечает, что «фактором, заметно повлиявшим на процесс реабилитации, стало смещение политических акцентов в странах Балтии и на Украине в определении жертв массовых репрессий. Лица, участвовавшие в бандформированиях либо воевавшие на стороне фашистской Германии и ее союзников, в этих странах были приравнены (даже с большими правами) к жертвам политических репрессий»²⁷. Реабилитация в России, как и на всем постсоветском пространстве, превратилась в политическую кампанию с задачами и статистическими показателями для непосредственных исполнителей этой работы. По-видимому, в результате этого уголовные дела персонажей данной статьи оказались пересмотренными.

25 марта 1993 г. П. П. Намастырник и А. Н. Пушкарь были полностью реабилитированы Прокуратурой Омской области. Логика прокурора, изложенная для обоснования этого решения, историку представляется странной. В Заключении прокуратуры говорилось следующее: «Обвиняемые виновными себя признали. Но свидетели в суд не вызывались и не допрашивались (отсутствие очной ставки со свидетелями, находившимися на Украине, нами прокомментировано выше. — А. С.). Из показаний осужденного усматривается, что инкриминируемые действия он совершил в несовершеннолетнем возрасте и совершил на территории, временно оккупированной немцами (применительно к военным условиям доводы сомнительные. — А. С.). Вся деятельность организации, в которую входило 7 подростков несовершеннолетних, ограничивалась редкими сборами, на которых изучали историю и географию Украины, вели разговоры о независимой Украине (налицо игнорирование материалов дела, где на одном из допросов обвиняемый, например, признал, что «изучали мы эти дисциплины в националистическом направлении». — А. С.). Изредка передавались записки

по просьбе ООН. После освобождения Красной армией группа распалась, а Намастырник вступил в ряды ВЛКСМ (чтобы не раскрывать своих истинных взглядов. — А. С.). Имеющихся в деле доказательств недостаточно для признания его вины»²⁸.

Заметим, что по закону «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 г. в Российской Федерации не подлежат реабилитации лица, осужденные за «шпионаж». Однако, реабилитируя П. П. Намастырника и А. Н. Пушкаря, прокуратура проигнорировала главное преступное деяние осужденных в военное время – сбор сведений для УПА, активно сотрудничавшей с гитлеровцами.

Уже в 1954 г. наказания осужденных по делу М. М. Турянского были смягчены. Определением военного трибунала Западно-Сибирского военного округа от 28 сентября 1954 г. М. М. Турянскому, Я. М. Турянскому, Е. Н. Федирко мера наказания была снижена до 10 лет, Я. М. Турчину и Н. Ф. Кравцу до 5 лет с применением амнистии от 23 марта 1953 г. и освобождением из под стражи. 26 ноября 1991 г. прокурор Омской области полностью реабилитировал осужденных по данному делу. Обосновывая реабилитацию, он указывал, что «никакой “организации украинских националистов в Сибири” не создано, и реальной попытки ее создания не было»²⁹. Фигурантам дела действительно не удалось создать организацию, но попытка имела место. Доказательством этому, в частности, являются показания М. М. Турянского. На допросе, состоявшемся 19 апреля 1951 г., он заявил, что «украинских националистов в Сибири мы еще не выявили и “организация украинских националистов в Сибири” нами создана не была. Я, ФЕДИРКО Емельян, ТУРЯНСКИЙ Ярослав только намеревались создать такую организацию в Сибири, но осуществить эти намерения нам не удалось, так как мы были арестованы»³⁰. Следовательно, преступная деятельность по созданию молодежной националистической организации в Сибири велась и была превентивно пресечена сотрудниками МГБ.

Кроме того, прокуратура «не усмотрела» в действиях обвиняемых признаков преступления, предусмотренного статьей 58-1а УК РФ. Действительно, в их действиях отсутствовали приведенные в статье квалификационные признаки, такие как «шпионаж, выдача военной или государственной тайны, переход на сторону врага, бегство или перелет за границу». Формально, с позиций современного правоприменения, прокуратура была права. Однако, исходя из политической ситуации в СССР начала 1950-х гг. и правоприменительной практики того времени, действия осужденных были совершены в «ущерб неприкосновенности территории СССР» (ст. 58-1а), за расчленение которого в интересах создания своей государственности выступали украинские националисты. Поэтому справедливость и законность привлечения их к ответственности по ст. 58-1а УК РФ в то время ни у кого не вызывали сомнений.

По закону «О реабилитации жертв политических репрессий» в Российской Федерации «антисоветская агитация и пропаганда» были отнесены к деяниям, «не содержащим общественной опасности». Поэтому лица, осужденные за это, «реабилитировались независимо от фактической обоснованности обвинения». С позиций начала 1990-х гг. прокурор по делу М. М. Турянского

заклучил, что «содержание разговоров не давало повода к привлечению их к уголовной ответственности»³¹. В то время, когда осудили обвиняемых по делу М. М. Турянского, это абсолютно не соответствовало действительности. Для историка важно, что в материалах дела есть множество примеров антисоветской агитации, подкрепленных показаниями свидетелей и признаниями обвиняемых. На допросе 26 марта 1951 г. М. М. Турянский признал, что «на Пасху угощал собравшихся вином и во время угощения высказывал свои антисоветские националистические взгляды. Я тогда призывал выпить собравшихся “За самостоятельную Украину!” и за “Здоровье наших братьев и сестер, которые мучаются по тюрьмам за наше дело!”»³². На допросе 4 апреля 1951 г. он не стал отрицать показаний свидетеля и признал, что «на свадьбе у Михайлюк выступал с антисоветской националистической речью и призывал молодежь вести организованную борьбу против Советской власти»³³. В материалах архивного уголовного дела обстоятельно доказан целый ряд подобных эпизодов. В современных условиях следует учитывать, что обвиняемые вели не просто антисоветскую (антикоммунистическую) агитацию. Они распространяли радикальные идеи украинского национализма, направленные против представителей других народов и территориальной целостности государства.

Правомерен вопрос о том, кому полезна реабилитация персонажей этой статьи, проведенная в начале 1990-х гг. в Российской Федерации. Британская исследовательница Джули Федор описывает то, как «в августе 1991 года фигуру чекиста демонстративно изгнали с российской символической арены, ниспровергнув гигантскую статую Дзержинского в центре Москвы, — то был апогей российской демократической революции. В центре общественного внимания оказались разоблачения массовых убийств, совершенных советскими органами госбезопасности, поскольку тогда на какое-то время был открыт доступ к секретным архивам, материалы которых стали публиковаться. Органы безопасности и их история стали предметом беспрецедентной критики и осуждения»³⁴. В результате реабилитации начала 1990-х гг. советские спецслужбы превратились в пропагандистский жупел, став в массовом сознании образом, олицетворявшим абсолютное зло. В. Н. Уйманов верно отметил, что, используя реабилитацию жертв массовых политических репрессий, определенные политические силы решали свои задачи. В этой связи «правоохранительные органы, честно и добросовестно выполняя возложенную на них благородную миссию, сами в какой-то мере стали жертвами кампанейщины»³⁵. Осужденным националистам реабилитация уже не могла облегчить участи. Но описанные здесь и другие подобные решения прокуратуры и судов морально реабилитировали украинский национализм. Сначала он одержал победу над советским правосудием и советской практикой коммеморации, а затем постепенно стал завоевывать политическое пространство современной Украины.

В результате торжества идеологии современных сторонников Степана Бандеры на Украине «сегодня быть украинцем значит принять их наследие», — констатировал с сожалением в 2012 г. канадский профессор Джон-Пол Химка. Ученый много лет посвятил борьбе с тем, чтобы «ОУН — УПА становилась главным пунктом идентификации украинцев»³⁶. Выжившие и, как впоследствии

оказалось, не отказавшиеся от своих идей участники ОУН — УПА стали кумирами, идейными вдохновителями, а иногда и вождями современных украинских националистов — своих последователей. Приведем показательный пример. В 2017 г. на митинге во время празднования 110-й годовщины со дня рождения одного из создателей и идеологов ОУН — УПА Романа Шухевича в поселке Краковец Яворовского района Львовской области умер, оборвав на полуслове свою речь, 91-летний глава районной ячейки националистов Петр Вушко. С 1944 г. он являлся членом подполья ОУН с псевдонимом Орлик. После ареста в 1946 г. по решению военного трибунала Петр Вушко был приговорен к смертной казни. Приговор был смягчен и заменен на 25 лет заключения³⁷.

Поставленная в статье проблема нуждается в дальнейшем всестороннем изучении. Очевидно, что относительно мягкая карательная политика советской власти по отношению ко многим членам и сторонникам ОУН — УПА и реабилитация в конце 1980-х — начале 1990-х гг. позволили радикально настроенным украинским националистам и их потомкам сначала возродиться на Западной Украине, а затем установить свою власть в большей части Восточной Украины. Описанные факты реабилитации националистов в Омске означают, что в России юридически были оправданы участники и сторонники ОУН — УПА. Это свидетельствует о том, что реабилитация осужденных в советское время украинских националистов была бездумным ударом российского государства по собственным интересам и исторической правде о Великой Отечественной войне.

¹ Щит и меч Омского Прииртышья. Омск, 2018. С. 167.

² Инструкция о порядке ссылки членов семей оуновцев и активных повстанцев в отдаленные районы Союза ССР. URL: <https://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1022620> (дата обращения: 01.12.2020).

³ *Нам И. В.* Национальные меньшинства Сибири и Дальнего Востока на историческом переломе (1917–1922 гг.). Томск, 2009. С. 219–221, 347–351.

⁴ *Штырбул А. А.* Нестор Махно, махновское движение и Сибирь. Омск, 2010.

⁵ Архив Управления Федеральной службы безопасности России по Омской области (далее — Архив УФСБ России по Омской области). Ф. 87. Оп. 6. Д. 6.

⁶ *Куджиев В.* К практической постановке национального вопроса в Омской губернии // Известия Омского губернского комитета РКП. 1923. № 7. С. 17.

⁷ См., например: *Носкова А. Ф.* Украинские националисты в борьбе за «Соборную Украину» в 1940-е годы // Новая и новейшая история. 2013. № 3. С. 130–138; *Иванов В. А.* Ликвидация ОУНовцев в войсках Ленинградского фронта (август — сентябрь 1941 г.) // Новейшая история России. 2014. № 2 (10). С. 25–38; *Черкасов А. А., Кринко Е. Ф., Шмигель М.* Украинский национализм в годы Второй мировой войны: природа и проявления // Русин. 2015. № 2 (40). С. 98–117; *Григоренко В. П.* Капкан: органы государственной безопасности против вооруженного националистического подполья // Тайная стража России. Очерки истории отечественных органов Госбезопасности. Кн. 2. М., 2018. С. 338–355; и др.

⁸ См. об этом: *Петин Д. И.* Мифы в локальной истории: обзор работы круглого стола в Омске // Сибирский антропологический журнал. 2020. № 4. С. 38–49.

⁹ *Сизов С. Г.* Омск в первые годы «послевоенного сталинизма» (1945 — март 1953 гг.). Омск, 2012. С. 123.

¹⁰ *Зиновьев В. П., Уйманов В. Н.* Долгое эхо Гражданской войны: уроженцы западных губерний России и Карпатской Руси в жерновах репрессий на территории Томской области // Русин. 2018. № 3 (53). С. 219.

¹¹ *Перемышленникова Н.М.* Архивное следственное дело как исторический источник // *Вестник архивиста*. 1999. № 4–5 (52–53). С. 227–230; *Кладова Н.В.* Следственные дела репрессированных: проблема включения источника в научный оборот // *Человек — текст — эпоха: сб. науч. статей и материалов*. Томск, 2011. С. 70–83; и др.

¹² См., например: *Сизов С.Г.* «Двадцатый век — не для камина»: историческая реконструкция судьбы репрессированного литератора Бориса Леонова. Омск, 2008; *Штырбул А.А.* Александр Сергеевич Сливко: первый ректор ОмГПИ: историко-биографическое исследование. Омск, 2009; *Петин Д.И., Каминский В.В.* Генерал-майор Генштаба Н.Н. Артамонов (1872–1937): биография сквозь призму новых источников // *Вестник архивиста*. 2017. № 3. С. 275–300; *Петин Д.И.* Евгений Береговой (1891–1920): судьба офицера разведки белой армии в Гражданской войне // *Вестник Томского государственного университета*. 2020. № 455. С. 117–124; и др.

¹³ Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 4. АУД. П-14036. Л. 125–125 об.

¹⁴ Там же. Л. 30–30 об.

¹⁵ *Черкасов А.А., Кринко Е.Ф., Шмигель М.* Украинский национализм в годы Второй мировой войны... С. 111.

¹⁶ Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 4. АУД. П-14036. Л. 11 об.

¹⁷ Там же. Л. 24.

¹⁸ Там же. Л. 125 об.

¹⁹ См., об этом: *Каптелов Б.И.* ОУН на службе у фашизма // *Военно-исторический журнал*. 1991. № 5. С. 45–57; *Платошкин Н.Н.* Борьба советских вооруженных сил против Украинской повстанческой армии (УПА) в 1944–1945 гг. // Там же. 2014. № 10. С. 48; и др.

²⁰ *Пономаренко Р.О.* Украинский выбор в годы Второй мировой войны: проблемы восприятия в современной Украине // *Былые годы*. 2012. № 2 (24). С. 43.

²¹ Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 4. АУД. П-16668. Л. 395–396.

²² Там же.

²³ Подробнее см.: *Сушко А.В., Петин Д.И.* «Вышлите нам несколько пистолетов и гранат...». Обращение молодых украинских националистов из Сибири к единомышленникам ОУН — УПА на Украине в 1950 г. // *Вестник архивиста*. 2021. № 1. С. 232–247.

²⁴ Забвению не подлежит: Книга памяти жертв политических репрессий Омской области: в 11 т. Омск, 2000–2004. Т. 4. С. 298; Т. 6. С. 56, 411; Т. 9. С. 143, 200–201.

²⁵ *Плеханов А.М.* «Создается впечатление, что мы воспитываем молодое поколение, “не помнящее родства”...» // *Омский научный вестник*. Сер.: Общество. История. Современность. 2018. № 1. С. 9.

²⁶ *Зданович А.А.* К вопросу изучения истории ВЧК — НКВД на современном этапе: полемические заметки // *Клио*. 2018. № 3 (135). С. 202.

²⁷ *Уйманов В.Н.* Ликвидация и реабилитация: Политические репрессии в Западной Сибири в системе большевистской власти (конец 1919–1941 г.). Томск, 2012. С. 429.

²⁸ Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 4. АУД. П-14036. Л. 190 об.

²⁹ Там же. АУД. П-16668. Л. 535.

³⁰ Там же. Л. 43.

³¹ Там же. Л. 535.

³² Там же. Л. 38 об.

³³ Там же. Л. 39 об.

³⁴ *Дж. Федор.* Традиции чекистов от Ленина до Путина. Культ государственной безопасности. СПб., 2012. С. 11.

³⁵ *Уйманов В.Н.* Указ. соч. С. 448.

³⁶ *Химка Джон-Пол.* Дружественные вмешательства: борьба с мифами украинской истории XX в. // *Историческая политика в XXI веке: сб. статей*. М., 2012. С. 437.

³⁷ URL: <https://life.ru/p/1025321> (дата обращения: 01.12.2020).

Статья поступила в редакцию 21 декабря 2020 г.

Рекомендована в печать 10 мая 2021 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Сушко А. В. Украинские националисты в Омске: осуждены и реабилитированы // Новейшая история России. 2021. Т. 11. № 3. С. 705–722.

<https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2021.309>

УДК 930

Аннотация: Рассматривается деятельность сотрудников Управления МГБ по Омской области в отношении политически активных украинских националистов из числа спецпоселенцев, происходивших из Дрогобычской области Западной Украины. С позиций исторической науки оценивается факт их реабилитации в Российской Федерации. Исследование проведено на основе впервые вводимых в научный оборот уголовных дел, хранящихся в Архиве УФСБ России по Омской области. В ходе анализа дел с использованием просопографического метода реконструирован типичный портрет юного украинского спецпоселенца, не отказавшегося, будучи в сибирской ссылке, от идей украинского национализма и не утратившего связей с ОУН — УПА. Фигуранты проанализированных уголовных дел искренне желали создания независимого украинского государства и не принимали советскую власть, препятствовавшую его образованию и изолировавшую их от родины. Со своей стороны, омские чекисты, совместно с коллегами на Украине, выявили молодых радикальных националистов — участников бандподполья, которые в военных условиях занимались разведкой в интересах ОУН — УПА. Автор приходит к выводу, что националистическая деятельность украинской молодежи в Омске была реальной угрозой для безопасности советского государства и факт их реабилитации в Российской Федерации исторически не обоснован.

Ключевые слова: украинский национализм, ОУН — УПА, «Юнацтво», Западная Украина, Дрогобычская область, Великая Отечественная война, спецпоселенцы, Омск, политические репрессии, реабилитация.

Сведения об авторе: Сушко А. В. — д-р ист. наук, проф., Омский государственный технический университет; alexsushko_1974@mail.ru

Омский государственный технический университет, Россия, 644050, Омск, пр. Мира, 11

FOR CITATION

Sushko A. V. 'Ukrainian Nationalists in Omsk: Prosecuted and Vindicated', *Modern History of Russia*, vol. 11, no. 3, 2021, pp. 705–722. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2021.309> (In Russian)

Abstract: The article reviews actions of Omsk Region Office of Ministry of State Security (MSS) towards politically active Ukrainian nationalists among deportees from the Dragobychsky region of Western Ukraine and assesses their vindication in the Russian Federation. This study is based on archival documents from legal prosecutions of Ukrainian deportees stored in the Records Office of Omsk Region of Federal Security Service and recently opened for scholarly review, as well as exhibits from the History section of the Omsk Office of the FSB. Legal prosecutions documents were analysed using a prosopographic method to reconstruct a typical picture of young Ukrainian deportees who continued to believe in the values of Ukrainian nationalism and kept connections with the Organization of Ukrainian Nationalists (OUN)/Ukrainian Insurgent Army (UPA). All prosecuted Ukrainians were driven to nationalism by conditions of their upbringing. The young men were deportees from Western Ukraine and of peasant origin. The OUN/UPA were widely supported by the rural population in this region. They were deported to Siberia as family members of UPA militias fighting against the Soviet army. Having nationalist views, all prosecuted young men sincerely supported the creation of an independent Ukrainian state and did not accept Soviet authority that did not allow this creation, and so they were deported from their homeland. Omsk MSS agents, together with their Ukrainian colleagues, identified young radical nationalists. Some of those were active members of underground militant groups and during World War II carried out intelligence requests for OUN/UPA and provided information for its members. The author concludes that the nationalistic activities of these

Ukrainian youth were are a real threat to security of the Soviet state and as such the fact of their vindication in the Russian Federation is not well-grounded from historical point of view.

Keywords: Ukrainian nationalism, OUN/UPA, "Yunatstvo", Western Ukraine, Dragobychsky region, Great Patriotic War, deportees, Omsk, political repressions, vindication.

Authors: *Sushko A. V.* — Dr. Sci. in History, Professor, Omsk State Technical University; alexsushko@rambler.ru
Omsk State Technical University, 11, pr. Mira, Omsk, 644050, Russia

References:

- Cherkasov A. A., Krinko E. F., Shmigel M. 'Ukrainian nationalism during the Second World War: nature and manifestations', *Rusin*, no. 2. 2015. (In Russian)
- Fedor J. *Traditions of the Chekists from Lenin to Putin. The cult of state security* (St. Petersburg, 2012). (In Russian)
- Grigorenko V. P. 'Trap: State Security Bodies Against the Armed Nationalist Underground' in *Taynaya strazha Rossii. Ocherki istorii otechestvennykh organov Gosbezopasnosti*, iss. 2. (Moscow, 2018). (In Russian)
- Ivanov V. A. 'Elimination of OUN troops in the troops of the Leningrad Front (August — September 1941)', *Modern History of Russia*, no. 2 (10), 2014. (In Russian)
- Kaptelov B. I. 'OUN in the service of fascism', *Voyenno-istoricheskiy zhurnal*, no. 5, 1991. (In Russian)
- Khimka John Paul. 'Friendly Interventions: Fighting the Myths of 20th Century Ukrainian History' in *Istoricheskaya politika v XXI veke: Sbornik statey* (Moscow, 2012). (In Russian)
- Kladova N. V. 'Investigative cases of the repressed: the problem of including the source in the scientific circulation' in *Chelovek — tekst — epokha. Sbornik nauchnykh statey i materialov* (Tomsk, 2011). (In Russian)
- Kudzhiev V. 'On the practical formulation of the national question in the Omsk province', *Izvestiya Omskogo gubernskogo komiteta RKP*, no. 7, 1923. (In Russian)
- Nam I. V. *National minorities of Siberia and the Far East at a historical turning point (1917–1922)* (Tomsk, 2009). (In Russian)
- Noskova A. F. 'Ukrainian nationalists in the struggle for "Cathedral Ukraine" in the 1940s', *Novaya i noveyshaya istoriya*, no. 3, 2013. (In Russian)
- Peremyshlennikova N. M. 'Archival investigative file as a historical source', *Vestnik arkhivista*, no. 4–5, 1999. (In Russian)
- Petin D. I. 'Evgeny Beregovoy (1891–1920): the fate of an intelligence officer of the White Army in the Civil War', *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 455, 2020. (In Russian)
- Petin D. I. 'Myths in the local history: an overview of the round table in Omsk', *Sibirskiy antropologicheskiy zhurnal*, vol. 4, no. 4, 2020. (In Russian)
- Petin D. I., Kaminskiy V. V. 'Major General of the General Staff N. N. Artamonov (1872–1937): biography through the prism of new sources', *Vestnik arkhivista*, no. 3. 2017. (In Russian)
- Platoshkin N. N. 'The struggle of the Soviet armed forces against the Ukrainian Insurgent Army (UPA) in 1944–1945', *Voyenno-istoricheskiy zhurnal*, 2014, no. 10. (In Russian)
- Plekhanov A. M. 'One gets the impression that we are raising a young generation that does not remember kinship', *Omskiy nauchnyy vestnik. Seriya Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'*, no. 1, 2018. (In Russian)
- Ponomarenko R. O. 'Ukrainian choice during the Second World War: problems of perception in modern Ukraine', *Bylyye gody*, no. 2, 2012. (In Russian)
- Shtyrbul A. A. *Alexander Sergeevich Slivko: the first rector of Omsk State Pedagogical Institute: historical and biographical research* (Omsk, 2009). (In Russian)
- Shtyrbul A. A. *Nestor Makhno, Makhnovist movement and Siberia: materials for the courses "History of Siberia" and "History of Ukraine"* (Omsk, 2010). (In Russian)
- Sizov S. G. *Omsk in the early years of "post-war Stalinism" (1945 — March 1953)* (Omsk, 2012). (In Russian)
- Sizov S. G. "The twentieth century is not for a fireplace": a historical reconstruction of the fate of the repressed writer Boris Leonov (Omsk, 2008). (In Russian)
- Sushko A. V., Petin D. I. "Send Us Some Guns and Grenades ...": Appeal of Young Ukrainian Nationalists from Siberia to Their Confederates from the OUN–UPA in Ukraine in 1950', *Vestnik arkhivista*, no. 1, 2021 (In Russian)
- Uymanov V. N. *Liquidation and rehabilitation: Political repressions in Western Siberia in the system of Bolshevik power (end of 1919–1941)* (Tomsk, 2012). (In Russian)

Zdanovich A.A. 'On the issue of studying the history of the Cheka — NKVD at the present stage: polemical notes', *Klio*, no. 3, 2018. (In Russian)

Zinoviev V.P., Uimanov V.N. 'Long echo of the Civil War: natives of the western provinces of Russia and Carpathian Rus in the millstones of repression in the Tomsk region', *Rusin*, no.3. 2018. <https://doi.org/10.17223/18572685/53/12> (In Russian)

Received: December 21, 2020

Accepted: May 10, 2021